

16+

Татьяна Хрисанфова

Чисто деревенское убийство

Татьяна Анатольевна Хрисанфова

Чисто деревенское убийство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42248763

SelfPub; 2019

Аннотация

В деревне, где все на виду, находят безымянный труп, неизвестной давности. Расследование поручают следователю Макарову и участковому Чермашенцеву, не особо надеясь на конечный результат. Скорее, это очередной «висяк», и остается только делать вид, что расследование ведется, чтобы по истечении времени отправить дело в архив. Но события, случившиеся в дальнейшем в деревне, заставляют довести дело до конца.

Все события, названия и фамилии вымышлены автором.

Местный бомж, с прозаическим именем Витёк, промышлял сбором ржавых железок, в виде недотлевших с перестроенных времен косилок, сеялок, борон, имевших в свое время чисто сельскохозяйственное предназначение.

С тех пор, как они были безхозно брошены у плотины местного пруда, из последнего, во время половодий, утекло немало воды.

Пруд обмелел, зарос камышом, да и водой-то наполнялся лишь во время таяния снега.

Стоит ли говорить о старом пруде, если, пусть и небольшие, но имеющие названия, речки, превратились в заросшие, тем же вездесущим камышом, сухие русла с воткнутыми в них палками с табличками названий типа: "р. Касарочка" или "р. Большая Гусынка", "р. Большая Чапурина", «р. Купава».

Ностальгические воспоминания: помним о вас, пересохшие реки нашего детства, помочь правда ничем не можем! Не обессудьте!

Названия старых прудов никто не помнит, потому табличек извинений не ставят.

Правда, старожилы тех мест до сих пор зовут этот пруд «Барским», передавая из поколения в поколение, предания о том, что некогда, жил здесь барин-землевладелец. Как память о себе, он оставил этот пруд да парк вокруг него.

Оставленные сельхозорудия, вернее запчасти от них, постепенно затягивались тиной из пруда. Около плотины давно было очень мелко. Вода некоторое время там стояла по весне, образуя небольшую грязно-черноземную, лужу, обогащенную, по всей видимости, некоими минералами.

Высыхая, лужа покрывалась белесой коркой, рассыпавшейся в сильную жару бледно-серой пылью. Но сама лужа никогда не засыхала совсем. Она подсыхала сверху, дальше же оставалась полужидкая трясина.

По всей видимости, местные подземные воды изобиловали избытком натрия и железа.

Если копали колодец, то из него никто не пил, даже козы и коровы воротили нос; до того была солона вода.

Еще в советские времена за деревней пробрили скважину, нашли пресную воду и качали ее до сих пор, снабжая питьевой водой всех селян.

Витёк копался в трясине, вспотев от непривычных для него усилий.

Был он худ и изможден от постоянного недоедания по причине постоянного перепоя.

Витёк давно не держал в руках ничего, тяжелее пластикового стакана, в лучшем случае: пил из чайной чашки.

Тело его сотрясалось по причине непохмелья. По этой же причине лопата казалась ему неподъемным древним кайлом. Витёк подбадривал себя громким матом.

Почему бы и нет?

Кто мог его слышать в глухом углу парка?

От бодрящих слов лопата так и рвалась на свершение подвигов. Яма на глазах становилась глубже. Вместе с глубиной в ней появилась жижа, видимо, где-то рядом находился подземный родник.

Витёк стал выгребать месиво подвернувшийся консервной банкой.

Яма осушалась медленно. Притом, стенки ее начали оползать.

Витёк, исчерпав словарный запас непечатаемых в словарях слов, смачно плюнул в яму и приостановил бесполезные действия. Он сел на край, опустив нижние конечности в жижу, чтобы предаться отчаянию.

Язык его, машинально, выдавал повтор закончившихся ругательств.

Со стенки ямы, прямо под его ногами, сошел очередной оползень.

Витёк лишь пошевелил правой ногой, освобождая ее от грязи.левой ногой он почувствовал прикосновение. Не жидкой холодной грязи, но и не теплой ладони.

Бомж почему-то сразу определил предмет прикосновения, как ладонь. Интуиция у него была сильно развита в процессе нелегких жизненных обстоятельств. Витёк мог "на глаз" определить, есть ли деньги у напрашивающегося вместе выпить, или придется отдавать последние, трудно приоб-

ретенные сотни и полусотни.

Витёк вскочил и отпрыгнул от ямы.

Интуиция не подвела; зря он так громко матерился, в надежде одиночества.

Из стенки ямы торчала распростертая ладонь. Темная от грязи, но вполне осязаемо-ощущаемая, а главное: освещаемая ночным небесным светилом.

Бомж не стал рассматривать ее. Он бросил банку, дико заорал и помчался наверх, к дороге. Быстро преодолев подъём, Витёк мчался дальше, не забывая оглашать темноту истошными воплями. Деревенские жители давно мирно спали, не ожидая неприятностей.

В деревне каждый житель на виду, а значит все «фулюганы», как любила выражаться древняя бабка Ефимовна, посчитаны, и жители знают, чего от них ожидать.

Например, когда по улице идет пьяный Петька Кульков, посылают поперед него гонца к жене его Надьке, чтобы отбыла из дома в неизвестном направлении, иначе быть грандиозному скандалу. Заботятся жители о спокойствии друг друга. Петьку, опять же, жалеют.

У Надьки, у нее характер «фулюганский». Наутро жалеть будет. А вечером сдержать себя не может: при виде пьяного мужа чешутся у нее ладони. Таких «пи-лей» надает суженому, он потом на улицу до ветру стесняется выйти.

Главное: предупреждает ее участковый об ответственности за последствия, проводит разъяснительную работу.

Но, что поделатъ, если она «фулюганка»?

Или вот, завидев на улице Ваську-хапугу, бабы тащат в дом всё, что на виду лежит. Будь то бельё на веревке или вилы, грабли на огороде.

Знают, что Васька – «фулюган», унесет все, что глаз его заметит.

Хулиган Витёк помчался вправо от плотины к ближайшим домам.

Нет жил он вовсе не в той стороне. Просто, беги он влево, пришлось бы пробежать через всю плотину.

Витёк быстро добежал до дома бабки Ефимовны, с которой состоял в подобии дружеских отношений. Он иногда приносил бабке хлеб из магазина, иногда одалживал у неё денег.

Ефимовна, если была в хорошем расположении духа, что случалось не каждый день, кормила Витька незатейливыми щами, да заводила разговоры о «жизне-бытие» или темы о мировой политике. Такая вот разносторонне соображающая была старушка.

Нынче Ефимовне не спалось. Она услышала крики и, кряхтя поднявшись с кровати, выглянула в окно.

Витёк забарабанил в дверь.

– Открой, Ефимовна! – орал он.

Старушка неспешно разглядывала в окно, как Витёк мечется по палисаднику. Наконец, она сжалилась.

– Чаво тебе, фулюган? – громко отозвалась через стекло

Ефимовна.

Витёк подбежал к окну. Ефимовна увидела, как сотрясается его тело.

«Не опохмелился», – решила она, – «канючить будет на пол-литру».

Ефимовна приготовилась выслушать, и не один раз, привычно-слезную просьбу бомжа. Контр-доводы копились на кончике ее языка.

– Ефимовна! – непривычно громко орал Витёк. – Звони участковому!

– Ошалел ты, поди? – изумленно откликнулась бабулька, пораженная его словами. – Чтобы пьяница звал полицию! Очумел, не иначе.

Витёк не разобрал ее слов через стекло и заорал громче:

– Тетеря бестолковая, курица глухая! Дверь открой, хотя бы! Сам позвоню!

– Ишь, ты, – отлично все услышала бабка, – так я тебе и дала свой телефон; ищи потом ветра в поле.

Ефимовна, неспешно, пошла открывать двери.

Витька она не боялась, считая его безвредным «фулюганом». Тот ввалился на порог весь грязный, провонявший запахом застоявшейся протухшей воды и неистребимого перегара.

– Фу, – отпрянула Ефимовна, – как черт из болота!

– Там, – бомж показывал в сторону пруда, – там – труп, привидение!

– О-о-о-о, – скосоротилась бабка, – допился, милоч! Я-то думала: ты в каталажку хочешь. А тебе надоть в психушку.

Ефимовна отодвинулась от возбужденного Витёк; мало ли, может спятил в самом деле.

Бомж увидел на столе бабкин мобильник. Он схватил телефон и стал искать номер участкового.

– Чермашенцев!?! – заорал Витёк, когда ему ответили.

– Чего надо? Кто это? – недовольно сонным голосом отозвался участковый на другом конце.

– Труп обнаружился, – несколько спокойнее сообщил Витёк.

Участковый, лежа в постели, поморщился и резко отвел от уха трубку. Он узнал голос бомжа и подсознательно ощутил запах исходящий от того. Усмехнувшись, он опять приблизил трубку к уху.

Витёк, заподозрив, что его не слушают, опять громко орал:

– Спать рано ложишься, говорю!

– Сбавь децибелы, – заорал участковый в ответ, – я отлично слышу.

– А, – мгновенно успокоился Витёк, – там, под плотиной, где я копал, рука вылезла.

– Привиделось тебе, – не поверил Чермашенцев, – я отсюда чувствую, как перегаром несет.

– Дак, не без того, – оскорбился Витёк, – но ум-то у меня – ясный!

– Сомневаюсь, – было слышно, как участковый зевнул.

Витёк понял, что старания его напрасны. Не пойдет участковый среди ночи рассматривать что-то, привидевшееся божу в грязи.

– Ну и спи, – пробурчал он и нажал на кнопку отбоя.

– До завтра, – отозвался на короткие гудки Чермашенцев и быстро захрапел.

Наутро он стоял под плотиной, у разрытой ямы. Края ее обвалились еще больше, обнажив неприглядное зрелище.

Среди грязи лежал труп, не до конца разложившийся. По виду достаточно сохранившийся, в виде полуистлевшей мумии. Можно было предположить мужской пол «мумии».

Участковый почесал затылок. Он не помнил, чтобы в ближайšie прошлые годы, пока он здесь работал, пропадали люди. Все на виду друг у друга.

Деревня не такая уж большая.

В его ведении было пять таких деревень, где участковый знал даже клички дворовых собак, не говоря о жителях.

Как говорится: «в деревне стоит о чем-то подумать, а соседи уже знают твои мысли и ответы на них готовят».

Сейчас мысли в голове Чермашенцева пребывали в недоумении, что отражалось на его лице. Каждый мог догадаться, что участковый несколько растерян и озабочен. Ведь он так старается навести на вверенной ему территории абсолютный порядок. Мотается по деревням на старых «Жигулях», разь-

яснительную работу ведет.

Уважает его жители, прислушиваются.

К яме стал подтягиваться любопытствующий народ.

Подошли Витёк с бабкой Ефимовной, несколько стариков, старушек. Подтянулись и другие жители. Деревня знала о ночной находке. Всем было интересно, кого откопал Витёк?

– Так это Витёк его пристукнул? – заинтересовался подошедший Володька Синицын.

На него зашикали: типун тебе! Только того не хватало.

– Да я чего? – отмахивался Володька. – За что купил, за то и продаю. Мне Ванька сказал.

– А ему Манька, – поморщившись, подытожил Чермашенцев, – понеслись сплетни, теперь не остановить. Напридумывает народ, столько, что до истины не докопаешься.

Он стал звонить в район.

– Пусть присылают специалистов!

– Какой еще труп? – не поверил начальник РОВД. – На кой хрен ты его раскопал? Раскрывать сам будешь. Тут не успеваешь с текучкой справляться, а ты мумию раскопал!

– Товарищ полковник, – протянул Чермашенцев, – да это же чисто деревенское убийство, свои похоже пристукнули, по пьянке. Быстро найдем преступников.

– Деревенское! – не унимался начальник, – труп-то с запашком! Кто в архиве копать будет?

– Расстроил ты меня, – успокоившись, подытожил началь-

ник. – Пришлю Макарова, пусть «копает до корней».

«Любимая присказка начальника», – поморщился Чермашенцев. – «Чуть что:

««копай до корней, пока не вспотеешь»». «Добрый мужик: заботится, чтобы подчиненные штаны в кабинетах не просиживали».

– Чем смогу – помогу, – пообещал Чермашенцев.

Следователь Макаров, молодой, веселый парень, выслушал начальника, почесал затылок и спросил:

– Разрешите приступить?

– Приступай, – безнадежно махнул рукой начальник.

У огороженной ямы опять топтался народ.

Казалось, жители совсем не расходились.

Прибывшую опер-группу встретили любопытствующими взглядами и расступились под окрики участкового. Народ пристально наблюдал приехавших, оценивая каждый их шаг, каждое движение, словно от этого зависело: раскроют преступление или нет.

– Да не найдут они преступника! – утверждал Костя Савельев. – Труп почти сгнил. Тогда не нашли, а уж теперь...

– Может он и не местный вовсе, – поддакнула Анька Спирина.

– Ага, подбросили со стороны, – подсказал Колька Зеленин, – из другой деревни.

– Ой! – поразилась догадкой Анька, – Вдруг из города привезли, да и оставили тут?

– Дура! – осадил ее Колька. – «Из города привезли!» Там негде было прикопать, болота не нашлось подходящего? А пруд наш – то, что надо?

– Зря ты так, – не обиделась Анька. – Кто в нашей глуши искать будет? Вот и подбросили.

– Тьфу, – обозлился Колька. – Сидела бы дома, если не смыслишь ничего в криминалистике.

– Ты много смыслишь, – обиделась, на сей раз Анька.

– Во! Фотографируют, – комментировал действия криминалиста Костя. – Только и умеют. Человек сколько лет лежал в луже, никому и дела нет.

– Расходитесь! – наконец не выдержал участковый, – работать мешаете.

Послушавшись его, люди стали выползать из под высокой насыпи плотины. Все интересное посмотрели, теперь надо ждать дальнейших новостей.

Яму тщательно обследовали, описали и сфотографировали. Заставили Витька покопаться в ее недрах... Найти ничего не удалось.

Неудачное Витёк выбрал место.

Железа не обнаружил, а мороки местной полиции ненароком подкинул.

Макаров читал заключение криминалиста.

«...мужского пола. Рост 186... Удар нанесен сзади, в левую затылочную долю черепа, предположительно тупым

предметом, о чем свидетельствуют раздробленные кости основания черепа. Нахождение трупа в постоянных грязе-минерализованных условиях, дает возможность датировать смерть приблизительно: 30–35 лет назад.»

«Не густо», – почесал собственный затылок Макаров, – «какой же год тогда был? Ага, прошло 15 лет нового века. Значит 1980-85 год прошлого века.»

«Проще простого», – решил он, – «расспросить население: не пропал ли кто в деревне в те годы? Старожилы обязательно припомнят, не так часто люди в деревне пропадают. Архивы опять же поднять надо.»

Макаров настроился на раскрытие преступления в самые оптимистические сроки. Он аккуратно подшил в папочку заключение криминалиста, описание ямы, фотографии и положил документы в дальний угол сейфа. Без того полно мелких и крупных происшествий, которые требуют неотложного внимания. Тем более, Чермашенцев обещался помочь.

Участковый сидел в кабинете и раскладывал принесенные из архива папки. Он заглянул в очередную из них.

Изнасилование.

Надо же: в деревне изнасилование..., – он перевернул страницу.

Вот это да! Изнасилование да еще двойное.

...Отец принуждал к сожителству двух несовершеннолетних дочерей. Причем продолжалось это более двух лет...

Чермашенцев прочитал фамилию преступника.

«Может его пристукнули местные?» – подумал участковый.

Он пролистал страницы.

Нет, преступник отбывал срок и вероятно давно уже на свободе, если не пристукнули в колонии.

Следующее дело было еще ужаснее.

Сосед зарезал соседа. Это было чисто деревенское убийство.

...Два соседа пили, сидя на крышке погреба. Заспорили. Один, отстаивая истину, воткнул в шею другого нож и положил остывающее тело на крышку, чтобы кровь стекала. В деревне так свиней режут. Сам пошел и признался в преступлении...

«Вот тебе и мирная деревенька,» – ужаснулся Чермашенцев. – «Стоит ли удивляться обнаруженному трупу?»

Он отодвинул папки. Вряд ли здесь обнаружится что-нибудь интересное.

Оставалось еще три не просмотренных дела.

Следующая папка, которую открыл Чермашенцев, оказалась той, которую он искал.

В протоколе осмотра он прочел, что

...в посёлке М-ный, летом 1983 г. в парке на тропинке, недалеко от плотины был обнаружен труп. Обнаружен местным жителем Скабелиным. Как заявил житель, он увидел мужчину, лежащего, уткнувшись лицом вниз. На затылке было много крови, поэтому он не стал трогать мужчи-

ну, предположив, что тот мертв. Скабелин заявил, что он испугался и побежал за подмогой. Пока житель добежал до конторы, где находился кабинет участкового, пока тот прибыл на место преступления, труп исчез. Поиски в парке и его окрестностях привели к нулевым результатам. Не было обнаружено рядом никакого орудия убийства. Скабелин не мог припомнить, видел ли рядом с телом какой-нибудь топор или нож, в крайнем случае, лопату.

– Может, валялись там сучки какие, – недоуменно припоминал он, – Ну так в парке никто не убирает, они так и гниют там.

Как следовало из протокола, рядом обнаружили некоторые сухие палки, но они не годились в качестве орудий убийства. Были слишком легковесными.

Позже в милицию поступило заявление от гражданки Воробей, об исчезновении ее мужа. Она рассказала, что муж никуда не уезжал. Должен был прийти домой на обед. Но она ждала его напрасно. Сначала подумала, что запил. Наступившим вечером он не появился дома.

Как следовало из дела, муж ее так и не был найден...

«Ага!» – решил участковый, – «Труп можно считать не безымянным. Исходя из этого, можно распутать преступление. Вдруг дорогу кому перешел? Тот же Скабелин, обнаруживший тело, может и пристукнул?»

«Нет,» – тут же обуздал Чермашенцев свою фантазию, – «ведь пока он бегал, труп исчез.»

«А почему нет?» – опять подумал участковый. – «Спрятал куда-то, потом побежал заявлять. Видимо не заинтересовались им, а если заинтересовались, то не нашлось доказательств вины. Впрочем, копать надо глубже, как говорит начальство.»

«Интересно, куда исчез дрын, которым угостили убитого?» – думал он, – «Ну а чем еще могли убить в парке? Не носил же преступник с собой пудовую гирию? Вряд ли в деревне кто-то занимался в те годы тяжелой атлетикой или туризмом. Тем более поджидал с гирей жертву в парке или запасливо носил в кошёлке молоток, чтобы ненароком угостить Воробья.»

«Нет,» – размышлял Чермашенцев, – «убийство произошло спонтанно. Дрын сгнил вместе с другими сучьями, унес с собой доказательство.»

Он положил дело на стол Макарова:

– Почитай на досуге. По-моему, как раз то, за что надо зацепиться.

– Интересно, интересно, – Макаров уткнулся в листы дела.

Чермашенцев постучал в дверь Ефимовны и сразу вошел в дом. Старуха, не поднимаясь с кровати, пристально рассматривала его, словно не признавая.

– Я, я это, – успокоил ее участковый, – поговорить пришел.

– Был, был в нашей деревне такой мужик, – припомнила сразу же Ефимовна. – Поговаривали, пропал он, – она задумалась, – уж сколь лет назад и не припомню.

– Как пропал, Ефимовна? Тоже не припомнишь? – спросил Чермашенцев.

– Ды как пропал? – посмотрела старушка на участково-го. – С работы не пришел. А потом уж разговоров было... о-ё-ё-й сколько, – вздохнула она.

– А в парке нашли кого? – подтолкнул ее мысли Чермашенцев.

– Так никого там не нашли, милоч, – изумилась Ефимовна. – Вроде убили на дорожке там кого-то. А оказалось, что и нет никого. Брехня, значит.

– Ну а почему убитым не мог быть пропавший? – усмехнулся участковый.

– Их-х, милоч, – удивилась Ефимовна, – не нашли ведь. А Воробей, он может и подался от своей тетехи куды. У него баб в деревне, что листьев на дереве. Как говорится, «перетоптал всю деревню». Поди, в других деревнях «мамошки» имелись.

– Так уж всю? – не поверил Чермашенцев.

– Ну не всю, так больше половины, – не сдалась бабка.

– Красавец, выходит, был? – заинтересовался участковый.

Ефимовна замахала руками:

– Какой там! Рот от уха до уха. Его так за глаза и звали: «Ротаня». Не знаю, как он соблазнял баб. Только детей у него

в деревне не пересчитать.

– Как же определили, что именно от него дети? Бабы замужние, чай, были? – усомнился Чермашенцев.

– Ой, милоч, – махнула рукой бабка, – у его и свои дети были, от жены-то... А байстрюки, все, как один, на них и похожи. Не отличить, – улыбнулась бабка. – А еще все дети долго не разговаривали; лет до пяти. А ты говоришь «откуда знали, что его те дети...» Многие живут в деревне, никуда не уехали.

– Спасибо Ефимовна, – поблагодарил он старушку.

– Ежели надоть чего, приходи, – отозвалась она. – Я многое помню.

Чермашенцев сел в «Жигули».

«Да, не много он разузнал. Что с того, что мужик с бабами якшался? Надо полагать, не он один такой в деревне. Не один...», – подумал он.

«Но другие, так открыто, не афишировали свои связи, с рождением детей. Как кукушат подкидывал в чужие гнезда, не задумываясь, что чужие отцы не будут любить подкидышей. А главное женщины! Рожали мужьям детей от другого мужика. Дуры какие-то», – думал Чермашенцев.

Он помнил тех детей, вернее теперь взрослых. Похожи один на другого, словно под копирку их делали. Главное: мужики в деревне терпеливые, воспитывали, как своих.

«Странная деревня. Живут рядом, встречаются каждый день, понимая, что рога у них ветвистые. Неужели никто, ни-

когда даже не пригрозил тому Воробью?»

В те, давние, годы Чермашенцев был совсем малым, и происходящее вокруг его не волновало.

Макаров внимательно слушал участкового. Тот выложил ему все, услышанное от Ефимовны.

– Бабкины показания можно использовать, как исходную версию, – сказал он. – Съезжу в М-ный, осмотрюсь. Поговорю с ней. Надо расспросить, не было ли у него врагов, помимо обманутых мужиков?

– Да и так достаточно прецедентов, чтобы проломить ему башку, – возмутился Чермашенцев. – Я бы – не удержался.

– Что за речи, товарищ участковый? – с напускной строгостью уставился на него Макаров.

– Эх, не понять тебе, – вздохнул Чермашенцев. – Вот когда женишься, посмотрим.

Макаров не стал откладывать поездку в деревню.

Ему выделили маленькую клетушку в местной администрации, пообещав пригласить всех, кто ему понадобится.

– Не переживайте, – уверила его секретарша, – чем можем, поможем всей деревней. Вы знаете, – доверительно сообщила она, – вся деревня гудит, догадки строят, кто же его пришиб?

– Говорят, многие на него зубы точили? – поинтересовался Макаров.

– Если бы только зубы, – махнула рукой секретарша. –

Вилы, топоры точили! У него по деревне детей штук пятнадцать было.

– Плодовитый, – поддакнул Макаров. – Как же женщины безропотно соглашались?

– Так он – мужик с властью был, – сказала секретарша, – управляющий на свиноферме. Сами понимаете, не мёд там работа. Если хочешь полегче работать, он обеспечит. За плату. А что с баб взять? Не от хорошей жизни на ферму шли.

– Не все же соглашались? – усомнился Макаров.

– Конечно, не все, – согласилась секретарша. – Не поверите, были дуры – влюблялись в него. Помимо того, такие были, что не пропускали ни одного мужика, ну вы понимаете... Как же он мог мимо пройти? Не понятно, зачем рожали? – вздохнула она.

– Прямо – половой гигант, – произнес Макаров.

– Выходит так, – согласилась секретарша. – Помню: Тайка-хохлушка по пятам за ним ходила, ревновала страшно. Когда ж то было? – вздохнула она.

– Не поверите! Там девчонка работала временно на ферме. Воробей к ней подкатывать стал. Тайка устроила ей скандал. Ой! При живом-то муже! – воскликнула женщина.

– Чем же закончилось? – поинтересовался Макаров.

– Закончилось собранием на ферме. Директор приезжал на разборки. Девчонка скандал подняла. Воробью замечание объявили, наказали провести работу с кадрами. А Тайка родила мальчонку от него. У Воробья все пацаны были – не

поверите. Ванька, муж ее, воспитал, как своего. У них своих: мал, мала, меньше. До кучи, видимо.

– А знаете, пройду я, пожалуй, по деревне, – решил Макаров, – побеседую с населением.

– Идите, – согласилась секретарша, – у нас народ разговорчивый.

Макаров медленно шел по улице. Солнце бросало с высоты нещадно жаркие лучи. Хотелось пить. Следовательно решил зайти в местный магазин.

– Нет ли у вас водицы холодной? – улыбнулся он разбитной бабенке, стоящей за прилавком. Та повела крутым плечом.

– Чего нет, того нет, – сказала продавщица, – напитки сладкие – вон, – показала она на полку, – так они – теплые.

– Мне бы простой воды стакан, – просительно поглядел на нее Макаров.

Видно, взгляд его был достаточно красноречив, так как продавщица изобразила на лице подобие улыбки и пошла в подсобку.

– Вот, – протянула она заледеневший стакан с хрустальной водой, – родниковая! Наслаждайтесь, больше такой нигде нет.

Следовательно медленно выпил холодную воду.

– Вкуснотища! – подал он назад стакан.

– А то! – улыбнулась польщенная продавщица, – у нас тут родник под плотиной; я мимо хожу по утрам, набираю воду.

Говорят, в нашем селе подземные источники воды имеются. Минеральные! – гордо заявила она.

– Не иначе, – улыбнулся Макаров. – Еще нальете?

– Конечно, конечно, – с улыбкой поплыла в подсобку продавщица.

Она принесла еще стакан воды и подала его Макарову.

Тот, отхлебывая воду, разглядывал полки.

– Пряников с полкило взвесьте, – попросил он.

– Сделаем, сделаем, – засуетилась продавщица. – Хотите колбаски копченой из конины; – кивнула она головой на витрину холодильника, – вы же командировочный?

– Я? – удивился Макаров

– Да ладно, – махнула рукой продавщица. – Вся деревня знает, что вы приехали расследовать убийство Воробья. Спрашивайте, если надо чего. Я давно в деревне живу.

– Ну, раз так, – протянул Макаров. – Не припомните, были у него враги?

– Ой! – удивилась продавщица. – Не пересчитать врагов его; почти вся деревня. Воробей ведь как: по улице идет, все бабы от него отворачиваются. Если не откусит, так помусолит. Вот так он на баб смотрел. А мужьям разве понравится такое. Но и драться не станешь с ним за то, что не так посмотрел на жену. Ежели бы в позапрошлом веке жил, так из дуэлей не вылезал бы.

– Я слышан о его похождениях, – сказал Макаров. – Может на другой почве враги у него были, знаете, затаил злобу

на него кто? Мало ли?

– Злобу-то? – задумалась продавщица. – Затаил на него Скабелин злобу. В молодости он ухаживал за Зойкой. Та его из армии три года дожидалась. К свадьбе дело шло. А тут Воробей объявился. Хоть и не красавец, а образованный – техникум закончил. Зойка, не будь душой, к нему переметнулась. Воробей работать не любил, в начальство все лез. Кому же не хочется быть женой начальника. Вот Скабелин и затаил на него злобу. Люто он ненавидел Воробья!

– Думаете: отомстил? – с надеждой спросил участковый.

– Н-е-е, – протянула продавщица, – сразу не отомстил. А к тому времени, как пропал Воробей, у них обоих детей уж кучи были. Ни к чему мстить-то.

– Логично, – согласился Макаров.

В магазине, меж тем, терпеливо ожидал своей очереди невысокий, седовласый мужичок. Он кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Марь Давыдовна, ты забыла о Косивцове, – тихо произнес он.

– А что Косивцов? – встрепенулся Макаров.

– Дружба у них была: не разлей вода, – сказал мужичок. – А потом, в одночасье, волками друг на друга смотреть стали. Никто не знает, отчего врагами стали, – подытожил он.

– Брось ты, Мишка. – Перебила его продавщица. – Косивцов мухи не обидит.

– Согласен, – равнодушно кивнул головой Мишка.

Разговор оборвался.

Макаров взял в руки пакет с пряниками, расплатился и вышел из магазина.

Он шел по деревенской улице, рассматривая окрестности. Деревня не отличалась особой красотой. Кирпичные домики, окруженные палисадниками, рядом сараи со стогами сена, кучи навоза, с копошащимися в них курами, бредущие через дорогу гуси. Мост через высохшую речушку, за которым виднелись заброшенные поля. Русло речушки заросшее светлолистыми ветлугами...

И, все-таки, деревня казалась красивой, может оттого, что была она вся зеленой? Вдоль домов со стороны дороги росли кусты сирени, около каждого дома огороды, сады, палисадники с цветами. Обычный деревенский уклад, навевающий мысли о прошлом.

В М-ном, как, впрочем, и в других поселках или крупных городах, жило прошлое в каждом доме. В одних домах прошлое припоминалось с улыбкой. Другим, даже во снах, не хотелось видеть, что было давно или совсем недавно. По меркам времени деревня была не старой. Не было в ней жизненного уклада, не было старых домов, передаваемых по наследству из поколения в поколение, не было уюта прошедших поколений, оставивших след в виде посаженного векового дуба или помнившей прадедов заскорузлой яблони во дворе.

До войны на черноземе понастроили бараков, распахали поля, разделили их лесопосадками от вечных в здешней местности ветров. Люди, сорванные с мест раскулачиванием, ехали сюда с семьями. После войны поехали в деревню люди, скрывающиеся от нелегких военных лет. Не все были доблестными воинами. А глухие степные места укрывали прибывших, собирая их, незнакомых, со всех концов страны, в одну общую кучу, где каждый на виду, со всеми своими семейными ссорами, пьянками, удачами и неудачами.

Чермашенцев с детства помнил старичка, о котором говорили, что он служил полицаем во время войны.

Старичок жил одиноко, ходил только в магазин; раз в неделю. Остальное время сидел в своем домике. На него никто не обращал внимания. В то, что был он изменником Родины, тоже никто не верил. Маленький, сухонький, ну какой из него полицаи? Как говорят: «не пойман, не вор».

Если вспомнить, то за деревенскими полями, где находились летние свинарники, жила семья, где муж был немец. Самый настоящий. Он даже ходил всю жизнь в длинном кожаном плаще серого цвета. Такие в войну носили немецкие офицеры. После плена остался в Советском Союзе, женился на русской, переехал в совхоз М-ный. Но так и не прижился среди русских, жил обособленно.

Да мало ли еще людей обитало в той глубинке, и каждый со своим прошлым?

Вот такая необычная деревня жила в рамках обычной со-

ветской жизни, строя светлое будущее. Только будущее, оно за горами временными находится, а пить-есть хочется сегодня и сейчас.

Кроме того, не все о хлебе насущном думают.

Кому-то грешные мысли покоя не дают, на блуд подбивают.

80-е

Воробей шел по улице, самодовольно оглядывая встречающихся женщин. На лице его блуждала оценивающая улыбка, которая, впрочем, исчезала при виде какого-нибудь мужчины. Воробей степенно здоровался с каждым встречным.

Иначе и быть не могло: в деревне у каждого своя значимость.

Кого-то уважают за хозяйственность, за деловитость, кого-то не уважают за лень, за пьянство.

Воробья не любили, не уважали, взглядами провожали ненавидящими, плевали в след.

Он все это знал.

«Но обращать внимание на каждого недовольного – себя не уважать,» – считал Воробей.

А себя он даже очень любил. Еще баб любил без разбору. Нет, на тех, что в возрасте, он не смотрел. В деревне молодых полно. А как к ним подход найти, он знал. Не все девчата после школы из деревни в город уезжали. Не поступившие в ВУЗы оставались, работали на ферме. Куда же еще идти работать?

Этим летом в деревне осталась самая красивая девушка. Не поступила она в институт. Пришла на свинарник.

Воробей – тут как тут. Работенку предложил не особо тяжелую.

– Мы тебя поставим к свиноматкам. Это тебе не с маленькими поросятами возиться, – говорил он, проводя девушку по деревянной дорожке между лентами транспортера, подающими корм в клетки со свиньями.

Девушка еле держалась на узкой дорожке, а он ступал твердо, всем своим видом показывая, что он здесь хозяин.

В клетках две женщины открывали и закрывали задвижки, следя, чтобы корм попадал в корыта, а не просыпался на пол. За пришедшей девушкой они наблюдали с любопытством, пытаясь понять: очередная ли это пассия управляющего или просто наивная дурочка, которая скоро убежит от непосильной работы к мамке под юбку.

– Ирка не догадывается, что ее здесь ждет, – кричала на ухо свинарка своей напарнице, когда девушка и бригадир по ступенькам сошли с транспортера вниз.

За визгом свиней, грохотом транспортера, разговаривать было совершенно невозможно.

– Не говори, – прокричала вторая женщина, – как клетки чистить начнет, так и сбежит.

– С такой-то красотой, ей в конторе сидеть надо, – покачала головой первая, – чего ее на свинарник понесло?

– Ну, уж не из-за Ротани! – засмеялась первая.

Вторая тоже засмеялась нехорошим смехом.

Девушка и бригадир вышли в тамбур, где было гораздо тише и не так резко воняло аммиаком.

– Ну, так что? – строго спросил Воробей. – Не побоишься такой работы? Тут вон как воняет.

– Не побоюсь, – девушка тряхнула кудрявыми волосами.

– Завтра выходи, – Воробей еле сдерживал торжество.

«Главное – согласилась работать. Дальше все по разработанному плану. Чай, не впервой.»

Иринка шла по дороге, обремененная не слишком веселыми мыслями. Свинарника она не боялась. Выросла среди свиней, помогая матери. Ведь мать всю жизнь работала на ферме. Она привыкла к неприятному запаху, который чувствовался еще на подходе, не боялась крыс, которые шныряли всюду по корпусам. Было обидно, что не поступила и теперь целый год придется жить в деревне. Совсем недавно она рассталась с парнем, поняв, что он не нравится ей. Теперь он постоянно преследовал Иру, настойчиво предлагая продолжения отношений и заверяя в своей искренней любви.

Ей же хотелось жить в городе, ходить в театр, в магазины, на танцы, наконец.

Ирина вздохнула.

Там не надо большую часть года носить резиновые сапоги. В деревне вечная грязь, стоит только побрызгать дождичку.

Ира раздумала идти домой и повернула к подружке. Та была дома.

– На сви-нар-ник!?! – удивилась подруга.

– Предложи работку почище, – оборвала Иринка ее удивление, – что-то никто никому не приглашает.

– Пошла бы в столовую, – предложила Настя, – там хоть кормежка бесплатная.

– И мужики за ноги хватают, когда посуду убираешь, – передернула плечом Иринка, – работала я прошлый год на каникулах.

– Ой, – воскликнула Настя, – а на свинарнике говорят: без Ротаниного «благословения» никто шагу не ступает.

Иринка поняла, куда клонит подруга. Про шашни Воробья она была наслышана.

– Глупости, – сказала она. – Там же и замужние бабы работают. Что он ко всем пристаёт?

Настя усмехнулась.

– Да мужья ему покажут, где раки зимуют. – не поверила Иринка. – Он же дядька старый, у него дети чуть младше меня.

– Дерзай, – сказала Настя, переведя разговор на другую тему. – А ты слышала, Димка на Вальке женится? Пока ты в городе экзамены сдавала, они заявление в ЗАГС подали.

– Правда? – удивилась Иринка. – Здорово! Может от меня отвяжется.

– На танцы идешь сегодня? – подмигнула ей Настя.

– Конечно, – улыбнулась Иринка.

2015-й

Макаров, проходя по улицам, испытывал некоторую неуверенность. Ему казалось, что он видел одного и того же мужика несколько раз. Ну, по крайней мере, раза три. При этом казалось, что тот успевает переодеваться перед каждой встречей в другую одежду. Он усмехнулся и ущипнул себя за руку повыше локтя. Больно, значит сознание не подводит. В очередной раз, приехав в деревню, он оставил машину у дверей администрации и медленно шел по улице, присматриваясь к жителям. Вдруг удастся завязать с кем разговор по душам, появятся еще какие—нибудь факты для расследования. Как ни крути, дело само не раскроется.

Около калитки стоял пожилой мужчина и с удовольствием затягивался сигаретой.

Макаров решил, что факты сами лезут в руки.

У мужика было добродушное выражение лица, он бросил на следователя взгляд и кивнул головой, приветствуя его.

Макаров не замедлил приблизиться.

– Добрый день, – протянул он руку.

– Доброе утро, – мужик пожал протянутую ладонь и вопросительно поглядел на следователя.

– Узнать чего хотели? – просто спросил он.

Макаров закашлялся.

Впрочем, понятно, что все знают о цели его приездов.

– Да вот хожу, расспрашиваю, – так же просто ответил он.

– Заходи, – предложил хозяин, – может, что припомню. У меня память о Воробье на всю жизнь осталась. Он отворил

калитку, пропуская впереди себя Макарова.

– Меня Ванькой зовут, – представился мужчина.

В голове у Макарова промелькнула мысль-подсказка, но он не обратил на нее внимания.

– Садись, – предложил мужик, указывая на лавочку. – Может чаю, кофе? У вас в городе любят чаи гонять, делать-то нечего.

Макаров отказался:

– Жарко и без чая.

Ванька пожал плечами:

– Как хошь, могу и пол-литру... для разговора поддержания.

– Я на службе, – отказался Макаров. – Может просто водички, жарко сегодня.

– Всемирное потепление, – пожал плечами Ванька, словно осуждая следователя за незнание прописных истин.

– А по отчеству, как вас? – вскинулся Макаров.

Мужик был раза в два, если не больше, старше следователя, хотя, по его виду, определить это сразу было невозможно. На вид он – добрый и равнодушный, располагающий к разговору дедок.

– Тайка, – крикнул хозяин в раскрытую дверь, – компоту из холодильника принеси.

– Горло пересохло, что ли? – отозвалась, видимо, жена.

Ванька, не удостоив ее вниманием, ответил на вопрос следователя:

– Иваныч я. Иван Иваныч, а по-деревенскому, так Ванька-хохол. Привык уже.

Следователь понял, что перед ним никто иной, как муж той самой Тайки – хохлушки, о которой он был наслышан. Макаров, исподтишка, оглядел мужчину.

Но тот перехватил его взгляд.

– Оцениваешь, мог я убить или нет? – усмехнулся Ванька.

– Не без того, – не стал скрывать и притворяться Макаров. Ванька ему нравился своей непосредственностью.

В это время из дома вышел еще один мужчина, средних лет.

Макаров подавил в себе возглас удивления. Он сегодня уже три раза видел этого человека. Тот поздоровался, словно забыл, что делал это уже несколько раз за последние полчаса.

– Сын мой. – представил его Ванька.

Макаров недоверчиво посмотрел на обоих.

Сын совершенно ничем не напоминал отца.

«Может на мать похож», – озадаченно подумал Макаров.

Сын протянул запотевший кувшин и два стакана.

Ванька налил компот и протянул полный стакан следователю.

Макаров с удовольствием отхлебнул холодный напиток, ощутив приятную вишневую кислинку и аромат летних яблок.

– Вкусно, – похвалил он.

– А то! – согласился довольный хозяин. – Все из своего

сада.

Некоторое время они, молча, смаковали напиток.

– А сын-то – не родной мне, – бросил на следователя взгляд из-под бровей Ванька, решив не скрывать очевидно-сти факта.

Макаров поперхнулся компотом.

Уж очень непосредственен оказался собеседник. Устал бояться или не виновен? Можно ли сразу вычеркнуть его из длиннющего списка подозреваемых?

– Не родной. – повторил Ванька. – Жена моя по молодости дура была.

– Так уж и «дура»?! – не согласилась невидимая супруга.

– Дура, дура, – равнодушно повторил Ванька.

Видимо, для него этот факт давно ничего не значил.

– Вбила себе в голову, что Ротаня в нее влюбился..., – продолжал Иван. – Я-то целыми днями да ночами на тракторе пахал, а они по балкам... Ну, понимаешь, чем занимались. Потом она заявляет мне: «Ванька, беременная я!» Поначалу, не поверил. Все лето то пахал, то сеял, сено косил, не до того было. Потом мужики глаза открыли.

– «Мужики ему глаза открыли», – перебила его супруга из – за занавески в дверном проеме. – Я тебе сама призналась.

– Сама, сама, – усмехнулся Ванька. – Угрожать стала, что из дома уйдет, что любит его! Тьфу! – плюнул он на дорожку.

– Влюбилась она! Он – слюнявый вечно! А у нас: пятеро по лавкам...

– И вы решили... – подсказал ему Макаров после долгого молчания.

– Переживал я, конечно, – было видно, что Ваньке с трудом даются воспоминания, – а потом подумал:

«Малец – не причем. Своих вон сколько, без куска хлеба не сидят, одеты-обуты. И этому хватит. Как говорится: до кучи».

– Живет с нами, теперь он нас кормит. Не могу плохого сказать. Свои-то в город подались.

– Ну а... – протянул Макаров.

Ванька понял его.

– Не я один на Ротаню зуб имел, – поднял он глаза на следователя. – У него каждый год дети рождались в деревне. Много было желающих добратся до его глотки да придуть гниду.

– Спасибо за беседу, – поднялся Макаров. – И компот у вас отличный. Спасибо!

– Заходи компоту попить, – пригласил на прощание Ванька.

Тайка-хохлушка так и не показалась из-за занавески.

Ванька понравился Макарову.

Рассудительный, добрый, спокойный. И взгляд у него умный.

Макаров мгновение подумал и поставил жирный прочерк в своем длиннющем списке в рабочем блокноте.

Ефимовна смотрела телевизор. Она внимательно всмат-

ривалась в экран, где показывали очередные новости. Звук в аппарате давно отсутствовал, поэтому Ефимовна научилась понимать по губам все, что происходило в мире интересного. Она любила быть в курсе всех событий. Витёк иногда спрашивал, зачем ей, восьмидесятилетней старухе, знать, где метеорит упасть должен, какие очередные козни затевает Америка против мировой экономики? Бабка сразу окрысивалась против политически неподкованного бомжа.

– Ты, Витёк, недалёковидный! – вскипала Ефимовна, стоило только тому высказать скептическое мнение по поводу ввода американских солдат во все мелкие европейские страны.

– А вдруг войну затеют? – кричала она.

– Ефимовна! – удивлялся Витёк. – Тебе ли войны бояться?

– Как же не бояться, – съезживалась Ефимовна. – Вдруг не успею простыню достать да на кладбище дойти, ежели не предупредят в новостях.

– Ну, ты даешь, – удивлялся Витёк. – Не будет никакой войны.

– Хорошо бы, – успокаивалась бабка.

Новости, тем не менее, смотреть не переставала.

Сегодня по телевизору сообщались незначительные события. Бабка успокоено выключила его. Кто-то стучал в дверь.

– Заходи! – крикнула она, думая, что пришла соседка.

В комнату вошел Витёк.

– Здорово, – приветствовал он от порога. – Спокойно сегодня? – кивнул он на телевизор.

– Явился, фулюган, – ворчливо поздоровалась Ефимовна. – Спокойно все, – перекрестилась она. – У тебя опять «трубы горят»?

– Ефимовна, радость ты моя, – попытался приобнять ее Витёк, – ведь кроме тебя никто меня не понимает.

– Опять Давыдовна в долг не дала? – догадалась Ефимовна.

– Не дала. – сокрушенно покачал головой Витёк и тут же обхватил ее обеими руками. – Видишь, как болею, – пожаловался он, преклоняя голову на плечо хозяйки.

Старуха оттолкнула «гостя» и полезла доставать кошелек из-под подушки:

– Возьми, – протянула она тысячу рублей.

– Спасительница! – чуть не заплакал бомж – Верну я!

– Вернешь, куды ты денешься? – миролюбиво произнесла Ефимовна. – Чё там, не нашли еще убийцу? – поинтересовалась она.

– Не знаю, – ответил Витёк, – мне ни к чему.

– Мне вот интересно, – посмотрела на него бабка, – кто решился?

– Откуда у тебя такой интерес? – подозрительно посмотрел на нее бомж.

– Чего еще делать? – вздохнула Ефимовна и отвела глаза.

Витёк смотрел на нее недоуменно: ему показалось, что

старуха знает гораздо больше, чем говорит. Возможно, не знает кто убийца, но догадывается о причинах.

Распроставшись с Ефимовной, бомж поспешил к магазину.

Около двери его встретили собутыльники.

– Заняла? – поинтересовался мужик с подбитым глазом.

– А-то! – показал Витёк купюру. – Она – классная бабка.

Надо ей дров нарубить на зиму.

– Не вопрос, – согласился другой, молодой, но грязный, до безобразия, парень.

80-е

Стояла снежная, морозная зима.

Под старыми подшитыми валенками деда Саньки хрустко поскрипывал свежевыпавший снежок. Дед, согнувшись пополам, тащил на спине охапку срезанных прутьев ракиты. Любил он коротать длинные вечера, сидя у теплой печки и плести корзины.

Вот и теперь дед Санька предвкушал вечернее удовольствие. Он уже видел сплетенные корзины, легкие и удобные, в них можно собирать овощи на огороде, дрова носить для печки.

Размечтавшись, он не заметил идущего навстречу Сидоркина.

Дед Санька и дед Костя, как звали их в деревне, не любили друг друга. Никто не знал, отчего деды враждуют, но подмечали, что не здороваются они при встрече. Шутили в дерев-

не, что бабуку Фиру не поделили старики. Истинной причины раздора не знал никто. Сблизившись, деда отвернулись друг от друга и прошли мимо. Было, ох было у них в прошлом много такого, чего не хотелось доставать со дна души...

В первый день войны Санька Степанов распрощался с семьей и отправился на фронт. В теплушке доехал он до города Киева, откуда и начал отступление со своей частью.

Но прежде, чем началось отступление, происходили бои за город.

В памяти Саньки на всю жизнь осталось воспоминание о том, как пригнали ополченцев. Их даже не успели переодеть, вооружив старыми винтовками. Все ли из них умели стрелять? Ополченцы неумело копали окопы, которые не спасли их. Все они остались лежать на той пригородной земле.

Впервые с начала войны Саньке стало действительно страшно.

Дома остались жена и трое детей. Вернется ли он домой? Санька понял, что очень этого хочет и сделает все, чтобы остаться в живых. Через некоторое время в обозе погиб повар. Степанов сам попросился на кухню. Дали ему пару лошадей да полевую кухню. Санька колесил по пыльным дорогам, стараясь вовремя накормить солдат неприхотливой пищей. Иногда в небе появлялись немецкие самолеты. Санька прятался под телегой, опасаясь бомбежек. Хотелось выжить.

Под Белой Калитвой был легко ранен. На всю жизнь в ноге и в голове остались мелкие осколки.

Там он попал в плен.

Немецкий самолет долго кружил над расположившимися в степи на отдых красноармейцами. Самолеты часто кружили в степи, разведывая расположения противников. Красноармейцы знали, что теперь на помощь этому прилетят еще два-три и начнется бомбежка. Командиры уже поднимали бойцов, готовясь к бомбежке.

Через несколько минут прилетел еще один самолет и началась кутерьма: рвались бомбы, метались люди, ища укрытия.

Санька, по привычке, хотел залезть под телегу, но не успел добежать до нее. Он почувствовал, как земля ушла из под ног, и его осыпало удушливой пылью...

...Очнулся от острой боли.

Открыв глаза, Санька почувствовал, как тяжелый ботинок впивается в бок. Немец равнодушно пинал его, пытаясь определить: жив или нет лежащий перед ним русский солдат. Санька застонал от боли во всем теле.

Немец жестом приказал подняться, наставив на него автомат.

«Не поднимусь – пристрелит», – понял Санька.

Он тяжело оторвался от земли и, шатаясь, пошел в сторону, где увидел стоящих и сидящих красноармейцев.

Потом их построили в колонну и погнали во временный лагерь, окруженный колючей проволокой.

Там-то он и познакомился с Сидоркиным.

Оба были маленького роста, худые, темноволосые. Наверное, потому и сблизились.

Санька как-то сразу поверил Косте, что отсюда можно выбраться.

Три дня им не давали еды.

Местные женщины приходили к лагерю, приносили хлеб, воду, но их не подпускали близко. Охранники давали автоматные очереди, пули взрывали землю у ног женщин, и те боязливо отбегали от колючей проволоки. От собственного бессилия женщины плакали. Слезы катились по их лицам.

Санька сжимал зубы от злости и обиды. Было обидно за собственное бессилие. Разве можно выжить в таких условиях, где для удовлетворения человеческих потребностей вырыли две ямы, над которыми тучами роились зеленые мухи. К вечеру третьего дня немцы выбросили на помойку картофельные очистки. Потом они наблюдали за русскими в надежде повеселиться, когда те будут драться за помои.

Голодные русские не подошли к помойке.

Сидоркин уговаривал Саньку бежать.

– Тут есть, где укрыться. – убеждал он. – Кругом – холмы да балки; завернул за бугор, и никто не заметит. А там свои близко.

Санька поверил ему.

Они уже знали в лицо всех охранников, их привычки. В ту ночь дежурил добродушный высокий немец. Он постоянно о чем-то мечтал, глядя вдаль, и над русскими не смеялся.

Скорее, он им сочувствовал. Иногда даже незаметно совал кусок хлеба, проходя мимо пленных.

Сидоркин отвел Саньку в дальний угол ограждения. Под проволокой оказалась неглубокая ямка. Им, маленьким и худеньким, не составило труда пролезть незамеченными. Как только Санька очутился по другую сторону колючей проволоки, он почувствовал себя свободным. Некоторое время они ползли по дну оврага. Потом Сидоркин выпрямился и засмеялся.

– Мы ушли! – громко сказал он, не опасаясь быть услышанным.

Шли всю ночь, прячась в балках. Утром набрали на растущую в степи дикую яблоню. Наелись кислых незрелых яблок.

Немцы застали их, сидящими на корточках без штанов.

Солдаты наставили на них автоматы и ждали, пока русские сделают свои дела.

Беглецы ушли недалеко от лагеря, заблудившись ночью в балках...

...Целый день Степанов с Сидоркиным стояли под палящим солнцем. Раздетые по пояс.

– Нелюди они, что ли? – спрашивал Сидоркин. – Ни жрать, ни пить не дают. Мы же так подохнем!

– Нужны мы им? – Саньке было больно говорить: губы потрескались и саднили.

– Все равно – убегу! – Сидоркин с ненавистью смотрел в

сторону охранников.

...Второй раз они ушли гораздо дальше.

Двое суток были на воле.

На заре третьих суток, когда почти поверили в свободу, послышался лай собак.

Сначала беглецы обрадовались: значит рядом жилье...

...Овчарки накинулись на них и, повалив, впились клыками в тело.

Охранники не сразу нехотя отозвали собак.

2015 -

Чермашенцев зашел в кабинет следователя.

– Как там наше дело продвигается? – подошел он к сидящему за столом Макарову.

– Да никак, – пожал тот руку в знак приветствия. – Деревня сплоченно дает показания; не скрывая, рассказывают подробности, какие помнят, но такое впечатление, что все мимо. Был у Ваньки – хохла. Милейший мужик.

– Ну а чуйка, что подсказывает? – спросил Чермашенцев.

– Чую – не виноват Ванька, – сокрушенно произнес Макаров.

– Ничего, в деревне еще много пострадавших от Воробья; есть, кого порасспросить, – успокоил его участковый.

– Зря он его раскопал, – недовольно произнес Макаров. – Глухарь, он и есть глухарь.

– Ты не прав, – уверил его Чермашенцев. – Тут надо применить нетрадиционные методы расследования.

– Например, какие? – вскинулся Макаров. – Дедуктивные? Я еще не в возрасте Шерлока Холмса. Вот наберусь опыта, тогда буду думать, как он, да преступления, как семечки щелкать.

– А пока, напоил бы кого-нибудь. Глядишь, проговорятся.

– Тоже мне, нововведение, – фыркнул Макаров. – Кто ж со мной пить-то будет?

Чермашенцев критически оглядел следователя: чисто выбрит, прическа явно не из местной парикмахерской, одежда не с здешнего рынка.

– Не будут, – согласился участковый. – Молодой ты.

Он засмеялся, а Макаров обиделся.

– Сам с ними пей, – пробурчал он.

– Мне по должности не положено, – улыбнулся Чермашенцев.

80 -

Иринка постепенно привыкала к тяжелой работе.

Тетя Лида, старшая по корпусу, велела ей почистить клетки с племенными хряками, которые находились по другую сторону от клеток свиноматок.

Девушка взяла здоровенную и тяжеленную швабру с резиновой набойкой и спокойно открыла клетку. Стала медленно грести навоз к ленте транспортера, пытаясь столкнуть с места неподвижного хряка.

– Ты чего такой упрямый? – убеждала она его. – В чистоте-то лучше сидеть.

Хряк не сдвинулся с места.

Иринка заметила, как на его клыках появилась белая пена.

Совсем неожиданно рядом оказались еще несколько животных. У них тоже все морды были в пене.

Иринке показалось, что хряки окружают ее. Она не испугалась, но на всякий случай отступила к верхнему транспортеру, подающему корм. Животные плотной толпой последовали за девушкой.

Иринка вскочила на транспортер.

Хряки, будто преследуя ее, становились на задние ноги, опираясь о доски транспортера.

– Чего вам надо? – закричала Иринка. Она не могла понять поведения животных. – Будете сидеть, как свиньи грязные!

Девушка засмеялась, поняв абсурд своей пламенной речи.

Подошла Капитолина, третья работница корпуса, и сразу накинулась на нее.

– Ты чего делаешь?! Хряки же тебя порвут, если ты к ним в клетку зайдешь! Время надо, пока они привыкнут к тебе. Их нельзя даже смешивать с соседней клеткой: друг друга порвут. Не любят они чужих.

– Как же тогда чистить у них? – удивилась Иринка.

Еще больше ее удивило то, что тетя Лида, зная нравы животных, велела ей чистить клетку.

– Сама почищу, – успокоилась Капитолина. – А ты корми их – пусть привыкают.

Иринка ничего не сказала о тете Лиде.

Та тоже молчала, когда Капитолина с возмущением рассказывала ей, как новенькая пыталась чистить клетку. Она лишь пожала плечами, мол клетки все равно чистить надо.

Иринка почти бежала домой. Она догнала деда Саньку, несшего связку хвороста.

– Здрассти, – сказала ему девушка.

Не смотря на то, что ее недавно чуть не съели свиньи, настроение у Иринки было хорошее.

– Для корзин лозы нарезали? – поинтересовалась девушка, чтобы не молчать.

Ведь им предстояло пройти вместе некоторый отрезок пути. Обгонять деда Иринке показалось неудобным. Обидится еще.

– На корзины, – неохотно отозвался дед Санька.

Они шли молча.

Иринка поняла, что деду не до нее, и, попрощавшись, свернула в сторону.

«Наверное, Сидоркина опять повстречал случайно», – улыбнулась она.

О том, что старики обходят друг друга стороной в деревне знали даже дети. Еще на тематические вечера в школе, посвященные Дню Советской армии, приходил один дед Степанов. Сидоркин всегда находил причину, чтобы не прийти. Степанов же рассказывал, как служил на войне поваром, впрочем, он рассказывал и об участии в боях, о бомбежках.

Его рассказы знала наизусть вся деревенская молодежь. А кого было еще приглашать, если ветеранов войны осталось в деревне всего трое: Сидоркин, Степанов и Гусев. Гусева тоже приглашали, но он говорил не интересно, как будто рассказывал о том, что прочитал в книжке. Степанов, забывшись, мог споткнуться на таком слове, которое детям рано было слышать.

Дед бросил охапку возле печки и, усевшись на низкую табуретку, закурил папиросу. Растревоженные воспоминания не отступали.

Через месяц пребывания во временном лагере, их погрузили в вагоны и повезли на запад. Сидоркин и Степанов оказались в одном вагоне.

– Слушай, – сказал однажды Сидоркин, – давай вместе держаться. Вместе легче выжить, я выжить хочу. А ты?

Во время дороги их иногда кормили баландой. Степанов и Сидоркин сливали еду в один котелок и ели вместе, стараясь, чтобы обоим досталось одинаковое количество еды. Они хотели выжить.

Наконец, пленных выгрузили в небольшом тихом городишке. Построили в шеренги и погнали пешком до каменных бараков.

Шедшие сбоку солдаты вели на поводках собак. Потом пленных долго держали на широкой площади, зачитывали фамилии, строго соблюдая, чтобы прибывшие держали, строй.

– Это – лагерь для военнопленных, – услышали они голос позади себя.

Санькой овладело отчаяние. Слезы потекли по его грязным щекам. Вряд ли здесь можно выжить. От одной только тоски умереть можно.

Строем их повели в барак.

Тот же голос сзади объявил, что теперь они будут так ходить до тех пор, пока не сдохнут. Степанов поглядел на Сидоркина: откуда он это знает?

Тот пожал плечами.

Пленных ввели в помещение, где располагалась, если так можно сказать, баня. На крючках висели шланги. Им выдали мыло, кусок на пятерых и бритвы. Появившийся полицай стал объяснять, что надо делать.

– Побрейтесь, чтобы вшей не разводите! – велел он. – Я проверю.

Степанов и Сидоркин намылили другу другу спины, потом стали бриться.

Подошел полицай.

– Подними «причиндалы», – велел он Сидоркину.

Тот подчинился.

– Плохо выбрил, – резиновой палкой он ударил Сидоркина по «причиндалам».

Тот скорчился от боли и присел на корточки.

Полицай, сознавая свое превосходство, опустил дубинку на его спину.

Степанов сделал движение, пытаясь защитить друга.

Полицай усмехнулся.

– Ну-ну, вояка без штанов, тоже хошь попробовать? – пошевелил он дубинкой.

Но бить не стал, пошел дальше.

Потом их отвели в барак. Сидоркин и Степанов устроились на нарах напротив друг друга. Они стали друзьями.

Через несколько дней новенькие освоились, перезнакомились и привыкли к условиям лагеря. За это время их выводили по утрам и вечерам на построения.

Из всех офицеров выделялся один, с вечно брезгливым выражением лица. Он никогда не снимал перчаток. Заключение он не замечал, проходил мимо, как будто на плацу был один. В бараках его никогда не видели. С другими офицерами тоже не общался. Никто не знал, в чем состоит его служба. Знали, что зовут его Гюнтер фон Чайнов. Единственным из пленных, с кем он иногда общался, был переводчик.

Среди заключенных нашелся знающий немецкий язык. Его сразу поставили переводчиком, отгородили его нары пологом, и питаться он стал отдельно от других пленных.

– Видал, выслуживается сука! – сквозь зубы произнес Санька. Они сидели на нарах в ожидании отбоя.

– Тоже выжить хочет, – равнодушно отозвался Сидоркин.

– Кто же здесь не хочет? – злобился Санька.

– Ты тише, – урезонил его Костя. – Мы и так на заметке у

начальства лагеря. Два раза убегали. На нас, небось, особые дела завели.

– Опять побегу! – Санька говорил тихо, но Сидоркин резко вскочил и оглянулся.

На них никто не обращал внимания, или делали вид, что не замечают их.

Жизнь в лагере становилась все тяжелее.

Пленных привозили часто. Их рассказы не радовали.

Немцы продвигались по югу России, как по собственным «штрассе».

Пленные не всегда терпеливо переносили условия лагеря.

Однажды возник бунт. Зачинщиков нашли быстро.

Их поставили перед строем на плацу, и переводчик долго переводил монотонную речь начальника лагеря.

А тот «долдонил» о неблагодарных русских свиньях. Немецкая нация несет им освобождение от оков коммунизма, а они не оценивают забот о себе.

Санька еле сдерживал себя. Желваки так и ходили на его лице.

Сидоркин больно ущипнул его за руку.

Санька отвлекся от речи начальника и перевел взгляд на других офицеров, его окружающих. Те преданно слушали речь и озирали пленных, стараясь выявить недовольных. Один фон Чайнов отвлеченно смотрел сквозь строй солдат; его, видимо, не интересовало, что заключённые чувствуют и замышляют ли очередное восстание.

Начальник лагеря закончил свою речь, оставив пленных весь день стоять на плацу в воспитательных целях. Зачинщиков запахали в грузовые машины и увезли.

– Не хотят здесь казнить, – услышал Санька глухой голос позади себя.

– Почему казнить? – он тоже говорил, почти не открывая рта: за разговоры в строю могли отправить в карцер.

– Заткнись! – прошипел Сидоркин.

– Не бойся, – послышалось сзади, – не донесу. Думаете, баламутов оставят в живых?

Никто не отозвался на его вопрос.

2015 -

Чермашенцев вместе с семьей сидел за поздним ужином. Жена подала в сковороде жареную на топленом масле картошку, сверху залитую сметаной. На столе стояла большая миска с нарезанным салатом. Запах свежих огурцов и помидоров витал в комнате, возбуждая аппетит. Чермашенцев положил на тарелку картошку, захватил ложкой салат и с удовольствием стал есть.

– Какие успехи? – посмотрел он на сыновей.

– Мы все сделали, что ты велел, – отозвался старший. – Курей, гусей накормили, корове травы накосили.

– Не баловались, – вторил ему младший.

– Они – молодцы, – вступилась за сыновей жена.

– Смотрите у меня! – в отца голосе зазвучал металл. – Книжки почитайте. Не хочу, чтобы вы выросли бомжами.

– Чего несешь? – обиделась жена. – Своих детей с Витьком сравнил.

Она нахмурилась и стала вытирать со стола хлебные крошки.

Чермашенцев понял, что хватил через край.

«К жене теперь не подойдешь», – думал он. – «Дурацкая работа!»

Никак участковый не привыкнет оставлять все за порогом. Вот и теперь в голову лезли мысли о детях Воробья. Многих из них Чермашенцев знал в лицо. Как они живут в одной деревне? Ведь должны понимать, что приходится друг другу братьями?

«Интересно», – подумал он, – «они в гости друг к другу не ходят?» И тут же устыдился своих мыслей. Людям и так в деревне не сладко приходится. Чермашенцев подумал, что человек девять может припомнить похожих на «Ротаню», причем разного возраста.

«Вот мужик», – рассуждал участковый, – «ни стыда, ни совести!»

«Может детишки озлобились против папашки? Да нет. Молоды они тогда были», – отогнал Чермашенцев от себя не прошенные мысли. – «Кто же тогда?»

В нем проснулся азарт. Захотелось узнать, кто же, все-таки, решился на преступление?

80-е

На улице было холодно, мела метель.

Вставать в четыре часа утра, чтобы успеть на работу Иринке было не трудно. Труднее было пробираться до сви-нарника через всю деревню по сугробам.

Зима стояла снежная.

За ночь наносило непроходимые сугробы.

Иринка натянула теплые пуховые носки, фуфайку, рези-новые сапоги. Зимой приходилось ходить на работу в сапо-гах, иначе по корпусу не пройдешь.

Было темно, идти приходилось мимо кладбища.

Девушка до жути боялась там ходить. Но другого пути не было.

Бабушка убеждала ее, что бояться надо живых: не из-вестно, от кого чего ждать. Но Иринка была молода, мало у нее, выросшей под крылом матери, бабушки и тетушек, бы-ло жизненного опыта. Родные любили ее, отговаривали идти работать на свинарник. Но Иринка решила не сидеть на шее матери.

Она ввалилась в двери корпуса вспотевшая, уставшая от преодоления высоченных сугробов.

Тети Лиды и Капитолины еще не было.

Девушка поднялась на транспортер и прошла вдоль кле-ток.

Хряки, привыкшие к ней, поднимали морды в надежде кормежки.

Иринка улыбалась им:

– Проголодались? Скоро, скоро накормим вас, зверюги!

Она все еще немного боялась их, вспоминая первую встречу. Хряки беспокойно повернули морды к двери, и Иринка увидела, как на транспортер поднимается управляющий.

Воробей казался ей строгим дядькой. Вечно придирается. То в тамбуре грязно, то в клетках плохо чистили.

Тетя Лида заставляла без конца мести пол в предбаннике, говоря, что ««карточка» должна блестеть».

Иринка подметала тамбур веником, буквально выметая все углы и закоулки.

Но, сколько не мети, а когда сгружают отруби, пыль летит по всему корпусу.

Тетя Лида была неумолима, заявляя, что в такие молодые годы просто горы передвигала, так много работала.

Управляющий шел к Иринке навстречу, заглядывая в клетки.

«Сейчас начнет выражать недовольство», – поняла девушка.

Воробей подошел совсем близко, кивнул в знак приветствия.

– Как работается? – приветливо улыбаясь, начал он.

Иринка не ожидавшая такого тона, немного растерялась.

– Нормально. Вот поздороваться с хряками пришла. – Постаралась она подстроиться под тон начальника.

– Не обижают бабы наши? – уже серьезнее спросил управляющий.

– Они добрые! – воскликнула Иринка.

Она ждала, что Воробей, повернет назад, потому что стоять на одном месте не было смысла.

Пора было приступать к работе; оба понимали это.

Иринка в нетерпении потопталась.

Но начальник намека не понял; показалось, даже придвинулся ближе.

Иринке отступать было некуда. Она бросила недоуменный взгляд на Воробья.

Тот отступил.

«Ничего», – подумал он, – «приручать надо постепенно».

Дверь открылась, вошла Капитолина и остановилась у порога.

Воробей спустился с транспортера и о чем-то заговорил с ней.

Иринка издали наблюдала, как они, размахивая руками, что-то обсуждают.

Дед Санька плел корзину и без конца вздыхал.

Он ничего не мог с собой поделывать: как наяву видел лагерь.

Картины прошлого не хотели покидать его седую, коротко стриженую голову.

...Зима выдалась студеная.

Пленных одевали кое-как, кормили еще хуже. Но не забывали выводить на работу.

Люди умирали.

Утром специальная команда убирала непроснувшихся. Люди умирали от тифа, от голода, от холода.

Санька и Костя держались вместе, пытаясь выжить. В лагере они находились больше года. Это была вторая зима пребывания в плену. Они по-прежнему делили пищу, если то, что им давали, можно было назвать пищей.

Санька никогда не смотрелся в осколок зеркала, приклеенный на стене в умывальной комнате. Он всегда был худым, но, смотря на свои руки и ноги, Санька ужасался. Желтая кожа обтягивала мослы. Именно «мослы»: все, что еще осталось от поджарого тела. Сидоркин выглядел так же. Саньке было жалко друга. Он понимал, что долго они не протянут.

Фон Чайнов, как всегда, стоял на плацу с отсутствующим взглядом. Было вечернее построение. После переклички пленных распустили.

Санька, еле волоча ноги, поплелся в барак. Он не помнил, как очутился возле офицера.

– Эссен, – прошептал Санька.

Ему было все равно, что произойдет в следующий момент. Рано или поздно вытащат утром, вместе с другими.

Фон Чайнов вздрогнул, но голову не повернул.

Санька почувствовал прикосновение к своей ладони. Он посмотрел на офицера. Тот бесстрастно смотрел в сторону. Санька побрел дальше. Его нагнал Сидоркин.

– Чего фрицу надо? – спросил он, решив, что это фон Чай-

нов остановил Степанова.

Санька разжал руку.

На ладони лежала половинка шоколадки, обернутая в фольгу.

– Вот, – не веря собственным глазам, протянул он шоколад Сидоркину.

Друзья тут же в темноте разделили лакомство поровну и проглотили, не жуя. Во рту остался лишь сладковатый привкус. Они смотрели друг на друга, не приснилось ли им неожиданное угощение?

Санька заплакал.

Нет, он не думал о том, какой хороший человек немецкий офицер, угостивший его. Он думал о том, до чего дошел: спрашивает еду.

Сидоркин, молча, стоял рядом. Он не плакал.

Санька подумал, что друг гораздо тверже его. Не унизился до попрошайничества...

...В канун нового года был найден мертвым капо в соседнем блоке.

О нем ходили плохие слухи. Очень уж он выслуживался перед немцами. Доносил все обо всех. Говорили, каждый вечер ходил на доклад к самому начальнику лагеря.

На утреннем построении переводчик объявил, что требуется желающий послужить честно на пользу Германии. Опять долго звучали речи в пользу освободителей от коммунистического рабства, о великом будущем Германии, о ми-

ровом ее господстве...

По словам начальника лагеря выходило, что каждый из стоящих на плацу должен со слезами на глазах молить о чести служить капо.

– Жопу лизать им, – услышал Санька тот же глухой голос позади себя.

Приученный к дисциплине он не обернулся, лишь скосил глаза, пытаясь разглядеть, наконец, человека не боявшегося высказывать свои мысли.

Отвлёкшись, Санька не видел, как его друг, с которым они выживали уже полтора года, вышел вперед.

Вокруг послышался тихий, но недовольный ропот.

Устремив взгляд вперед, Санька увидел Сидоркина уже перед строем.

Он чуть не кинулся к другу, решив, что того назначили виновным за чужой проступок. Степанов посмотрел на Сидоркина и встретил чужой тяжелый взгляд.

Тогда Санька посмотрел на начальника лагеря.

Тот довольно улыбался.

– Нашелся жополиз, – опять послышалось сзади.

Санька готов был сорваться и заорать на того, стоящего за его затылком и неумевшего молчать.

«Зачем, зачем он так говорит про Сидоркина?»

Степанов не был сентиментальным. Он и слова такого не знал.

Простой плотник по профессии.

Любил он детей своих, жену, часто вспоминал их, рассказывал о них Сидоркину. У того тоже была семья, ребенок, но перед войной жена ушла к другому. В своей подневольной лагерной дружбе, они не скрывали ни мыслей, ни прошлого. О чем еще говорить в монотонности подневольной жизни? Эти разговоры спасали их, давали надежду на будущее. Вдруг случится выжить? Степанов понял, что теперь он не выживет, один. Санька не понимал, как теперь будет смотреть в глаза Сидоркину?

Меж тем переводчик опять монотонно бубнил, прерываясь лишь на время, когда с пафосом, размахивая руками, весь красный от усилия, вещал начальник лагеря.

– Это – настоящий солдат! – показывал он на замершего по стойке «смирно» Сидоркина, – Не испугался, что подпольные коммунисты могут отомстить.

– Да! Да! – поднял начальник руку, – Я не боюсь заявить, что в подведомственном мне лагере есть подпольщики, не желающие смириться со сложившимся порядком. Но, с такими, – он кивнул на Сидоркина, – преданными Великой Германией людьми, мы выявим их и уничтожим.

– Всех не уничтожишь! – глухо раздалось сзади.

Голос прозвучал довольно громко.

Начальник непроизвольно воскликнул: «was?!»

Он наклонился к переводчику и заговорил, зло бросая слова.

Тот быстро затараторил, переводя на русский:

– Пусть выйдет из строя тот, кто посмел прервать господина начальника.

Строй не пошевелился.

Лицо начальника побледнело.

Он наклонился к стоящему рядом фон Чайнову.

– На «первый»-«десятый», рассчитайсь! – на чистом русском языке приказал тот.

И, дождавшись выполнения приказа, – Каждому десятому выйти из строя!

Взгляды пленных устремились на фон Чайнова.

Оказывается, он отлично говорит на русском; раньше от него и немецкой речи не слышали. Шеренга пошевелилась, люди вышли вперед.

Они понимали, что обречены.

– Товарищи, – опять услышал Санька, – я сам выйду!

Болтун повезло – он не попал в «десятку».

Теперь тех, кто стоял впереди строя, могли расстрелять.

– Стой в строю! – откликнулся еще один голос. – Они обречены. Расстреляют показательно вместе с тобой.

– Никто не надумал выручить товарищей? – спросил переводчик.

Начальник лагеря пристально оглядывал строй.

Болтун не вышел.

Начальник посмотрел на Сидоркина и улыбнулся.

– Господин начальник предлагает тебе сказать, кто прервал его речь. Ведь ты, стоя перед строем, видел, кто это сде-

лал?

Лицо Сидоркина стало бледнее побеленной известью стены лагерного барака.

Он вытянул руку и показал в сторону, где стоял Санька.

У того все поплыло перед глазами.

– Das ist er? – начальник лагеря заинтересованно глядел на Степанова.

Он, наверняка, знал о дружбе этих военнопленных, ведь они всегда держались вместе.

– Нет! Nain! – заорал Сидоркин (за время плена они освоили немного немецких слов), – niht er! Nain!

– О-о-о, – начальник раздул щеки от удовольствия.

Он опять наклонился к фон Чайнову.

– Господин начальник доволен, что капо постигает немецкий язык, значит, будет взаимопонимание.

– Так кто же? Укажите на говорившего. Можете даже подойти к нему, чтобы не произошло ошибки.

Сидоркин прошел мимо Саньки, взял за плечо стоящего в следующей шеренге высокого мужчину, потянул его за собой.

Перед строем стояли двое.

Один высокий, с покаянным выражением глаз. Было понятно, что он просит прощения у товарищей за проявленное малодушие. Во взглядах товарищей он читал прощение и понимание.

Другой не смотрел на недавних товарищей. Его взгляд

был устремлен в себя.

Санька не мог смотреть на Сидоркина. Он не думал о том, что не разглядел в том предателя – душа опустела. Санька решил, что будет выживать один.

Иринка и Настя сидели за столом.

– Варенья хочешь? – спрашивала Иринка у подруги.

– Смородиновое, вишневое, грушевое, яблочное, – перечисляла она.

– А клубничное есть? – заинтересовано спросила Настя.

– Губа не дура у тебя, – засмеялась Иринка.

Она поставила на стол чайные чашки, положила в вазочку пахучее клубничное варенье, нарезала хлеб.

– Угощайся, – хозяйским взглядом окинула стол.

Настя пододвинула поближе варенье. Она знала, что тетя Нина, мать Иринки, заготавливает на зиму целые ведра варенья. Сад у Чернышовых был огромный. Его заложил еще Иринкин отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.